

Европа-плюс и Гейропа-минус

ЕВРОЦЕННОСТИ

В ходе одного из исследований «Левада-центра»¹ в 2023–2024 годах проводились групповые дискуссии с людьми, которые считали европейские ценности близкими или, наоборот, чуждыми себе². Участников с диаметрально противоположными взглядами приглашали за один стол и примечательным было даже не различие их позиций, а то, что в какой-то степени они побаивались друг друга.

Люди с проевропейскими установками явно чувствовали, что представляют меньшинство и что их оппоненты не просто большинство, но те, на чьей

- 1 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*
- 2 Предпочтения участников выяснялись заранее. Никакого толкования слов «европейские ценности» им не предлагалось. Исследователи исходили из того, что в современном русском языке за этим словосочетанием закреплён определенный и понятный участникам смысл, который оценивается либо положительно либо отрицательно. Тесты подтвердили обоснованность такого подхода.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА

стороне государство со всей его силой. Внутренней опорой «проевропейцев» была честь российской интеллигенции, для которой ценности, называемые европейскими, были крайне значимы.

Противоположная сторона была исполнена куражу: они в самом деле чувствовали, что за ними сила большинства и, что важнее, власти. Но иногда в запале спора они теряли контроль над собой и в их поведении чувствовались некоторая неуверенность и опаска. А точно ли мы эту Европу окончательно обошли и морально победили? А может ли правда быть все же за «проевропейским», во что эти интеллигенты еще верят, а мы – уже нет?

Тема отношений к Западу, к Европе для российского массового сознания не является вопросом лишь внешней политики. Это вопрос общих мировоззренческих установок в политике внутренней, в отношении к власти, к событиям внутренней жизни, даже во взаимоотношениях между людьми. Проевропейский комплекс можно назвать «старым», он восходит к западной традиции в российской культуре и к умонастроениям 1990-х с их тенденциями сближения с Европой в настроениях, модах и в экономическом взаимодействии. Он предполагает принятие европейских ценностей как базовых и потому в идеологическом отношении тяготеет к либеральным воззрениям. В сегодняшней России он оказывается в подавленном состоянии, оппозиционным, предполагающем критическое отношение к нынешней политике власти – в частности, в Украине.

Антиевропейский комплекс также имеет весьма старые корни, но в сегодняшней России он более «новый» в том смысле, что совпадает с политической линией, принятой Владимиром Путиным в 2004 году в связи с угрозой,

которую российские власти увидели в «оранжевой революции» в Украине и намечившемся прозападном тренде ее развития. Линия была продолжена в «мюнхенской речи» Путина (2007) и развилась в реальное противостояние России и Запада после Крыма (2014), за которым последовали санкции и контрсанкции. В массовом сознании эти процессы проявились в формировании нового патриотического комплекса – антизападного и антилиберального, милитаристского и провластного.

«Старый» проевропейский комплекс, заметно более консистентный и проработанный, в «новом» же у респондентов часто не сходятся концы с концами, цепочки обоснований здесь редко имеют больше двух звеньев. Главное объяснение респондентами того, почему они настроены против Европы, сводится к тому, что *Европа против нас*. А почему? *Потому что она всегда была против России*. При этом понимание европейских ценностей в действии, понимание условий жизни в Европе как их практической реализации вполне присутствует в сознании как про-, так и антиевропейски настроенных россиян. Разница в том, что для первых они являются нормой – увы, недостижимой, – а у вторых вызывают скрытую зависть, проявляющуюся как раздражение, стремление дискредитировать или отрицать их наличие.

ТОЛЕРАСТЫ

В контексте разговора про европейские ценности довольно часто речь заходит про *толерантность*. Следует пояснить, что в современном словоупотреблении, особенно в кругах антиевропейски настроенных (а это нередко респонденты с относительно более низким уровнем

образования и кругозора), словарное значение этого понятия неизвестно или присутствует как ироническое иносказание. Имеется в виду, что в некоторых странах Европы признаны легитимными однополые браки и прочие варианты отношений полов, рассматриваемые российским массовым сознанием как недопустимые, порочные, патологические, извращенные. Респонденты, которые меньше стесняются, говорят о *толерантах*, встречаются и более грубые выражения. Слово *Ге́йропа*, появившееся в период первого всплеска этих антиевропейских сантиментов в кругах относительно узких и высоких, ныне в ходу в кругах более широких и менее просвещенных в подобных вопросах.

Характерно, что в российской трактовке толерантность стала пониматься не как согласие одних групп на особенность норм других групп (меньшинств), а как капитуляция общества, дающего согласие на то, что практики меньшинства распространятся (или будут распространены намеренно) на всех. Отсюда страхи, что Запад навяжет нам *всем* гомосексуализм, что *все* перейдут на однополые связи, дети перестанут рождаться, нация исчезнет. Как и в предшествующую волну претензий в адрес Европы (в основном после 2014 года), тема однополых браков и связанной с этим проблематики стала основной претензией, оттеснив даже недовольство тем, что европейские страны оказывают военную помощь Украине.

Гомофобия часто становится элементом политики режимов, подобных нынешнему в России, однако массовое негодование обращено не столько против людей, практикующих однополые отношения у нас в стране или в Европе, сколько против того, что *«Европа нам это навязывает»* – в основном, по словам респондентов, посредством интер-

нета. Это рассматривается как серьезная угроза существованию России: для одних – из-за потери россиянами своей идентичности («они хотят сделать нас такими, как они»), для других – из-за рисков снижения рождаемости, сокращения населения и следующей из этого невозможности защитить свои границы. Поэтому часто здесь же поминают пропаганду *childfree*.

В России происходит сокращение рождаемости и преобладает малодетность в среде русского большинства, но в то же время сохраняется многодетность среди сопричастующих этносов с Северного Кавказа и из Центральной Азии. Страх потери доминантной позиции из-за того, что «мы, русские, не хотим рожать больше детей, а они плодятся как...», иногда прорывается как у отдельных участников фокус-групп, так и у публичных фигур. Но страх этот по большей части латентный и проявляется в виде агрессии против «врагов», которым приписывается отрицательное влияние на способность россиян рожать и растить детей. Потому страх и возмущение вызывают более *толерантное* отношение в Европе к однополым отношениям и к усыновлению иностранцами российских детей.

СВОБОДА: 40 ЗА И 40 ПРОТИВ

Помимо фокус-групп отношение к Европе и европейским ценностям выяснялось с помощью специальных тестов, проводившихся в 2024 году. Участникам предлагалось продолжить фразу «Европа – это...». В результате были получены два набора по 160 суждений от респондентов двух противоположных ориентаций.

Обзор высказываний позволяет заключить, что в сознании каждой группы

Европа присутствует как воображаемое пространство, противоположное России. Информанты наделяют свою воображаемую Европу признаками и атрибутами, отсутствующими в российской жизни. В дискурсе «роевропейцев» это позитивные качества, которые они хотели бы видеть в России. В дискурсе «антиевропейцев», напротив, это негативные черты, приписываемые ими Европе, которых в России нет и, по их мнению, быть не должно.

Анализ показывает, что в обоих случаях респонденты имеют в виду свой идеал *социального государства*. «Роевропейцы» приписывают Европе заботу о населении, попечение о социально слабых, комфорт, красоту, чистоту городов. У «антиевропейцев» Европа именно этого и лишена, а ее население обречено страдать от отсутствия должной опеки со стороны государства, грязи и неустроенности. «Роевропейцы» говорят об удобстве, здоровом образе жизни, «антиевропейцы» – о тяготах, плохом здравоохранении. «Роевропейцы» – о благополучии, «антиевропейцы» – о бедности.

За небольшими исключениями, и положительные и отрицательные описания европейской жизни являются придуманными. Наши наблюдения на многочисленных фокус-группах на данную тему указывают, что даже те, кто до начала СВО бывал в Европе, под влиянием общих трендов вытесняют из памяти свои реальные впечатления и заменяют их расхожими штампами. Примечательно, что благостная картина процветающей Европы у одних и мрачный образ Европы загнивающей, катящейся к упадку, у других не содержит материальных объяснений этих состояний, но активно

оперирует различными *моральными* основаниями происходящего.

Частотный анализ наиболее повторяемых респондентами понятий показывает, что у «роевропейцев» это слова *свобода* и *свободный(-ая)*. В шести случаях это были утверждения вида «Европа – это свобода», в четырнадцати случаях речь шла про «свободу слова», еще в пяти случаях про «свободу мнения», «свободу выражения своего мнения», «свободу самовыражения». Также встречались сочетания слова «свобода» с действиями вроде «свобода передвижения», «свобода выбора», «свобода выбора сексуальной ориентации»³.

Полный список свобод, названных «роевропейцами», включает 42 позиции. В массиве роевропейских высказываний другие повторяющиеся слова, например *культура* или *образование*, встречаются в семь–десять раз реже. Следует по достоинству оценить этот результат: видно острое ощущение отсутствия свободы в России – это главная проблема, которая волнует «роевропейцев». Именно свободу они хотели бы перенять у Европы и сожалеют, что этого не происходит.

В высказываниях «антиевропейцев» почти с такой же частотой – 40 раз – присутствуют упоминания гомосексуальных отношений и всего круга понятий и образов, которые с ними связаны. Подчеркнем, что эти отношения трактуются массовым сознанием не как разновидности человеческих чувств или влечений, не как биологические или физиологические явления, но как моральные преступления (разврат). Здесь также звучит проблематика свободы, свободы сексуальной, которую, по мнению некоторых участников

3 Отметим как упоминание в роевропейском дискурсе этой свободы, так и то обстоятельство, что в ходе исследования она была указана «роевропейцами» лишь один раз. Уже в этом видно различие по отношению к этому вопросу с «антиевропейцами».

фокус-групп, Европа стремится навязать России – и чего они ни в коем случае не хотели бы допустить.

Из опыта «проевропейцев», покинувших Россию после начала СВО, мы знаем, что многие из них намеревались попасть именно в европейские страны, и там им пришлось понять, насколько имевшийся у них образ Европы отличается от реального положения вещей. Что-то из испытанных ими трудностей совпадает с отдельными высказываниями «антиевропейцев». Но главного, в чем те обвиняют Европу, они не встретили.

Показательно полное отсутствие в высказываниях обеих сторон чего бы то ни было, указывающего на военные действия, идущие к моменту исследования на территории Европы уже почти три года. «Антиевропейцы» ни разу не коснулись того обстоятельства, что многие страны Европы поставляют оружие Украине. Более того, хотя в их сентенциях и есть некоторые маркеры современности (торжество глобалистов и ультраглобалистов, крах либеральной повестки, либеральные ценности), регулярно встречаются примеры языка пропаганды тех времен, когда СССР вел «холодную войну» с Западом: «Европа – это мир капитализма, где деньги важнее морали и принципов», «доминирование материализма над духовными ценностями».

ДЕМОКРАТИЯ МЕНЬШИНСТВ

В странах западноевропейского культурного ареала в последние десятилетия совершается грандиозный социальный переход – от демократии большинства к демократии меньшинств. Формальный принцип, согласно которому воля или норма большинства должна быть обязательной для меньшинств(а), со-

храняется в электоральной процедуре и в некоторых институциональных механизмах, как правило, регулируемых писанным правом, созданным, к тому же несколько поколений назад.

В сфере же культуры, в повседневной жизни, где действуют в основном неписанные нормы, более гибкие регуляторы, возникает новый социальный порядок, в котором общество видит себя состоящим из множества групп (если угодно – меньшинств), объединенных общим для всех интересом сосуществования. Во взаимодействии друг с другом каждая из групп может заявлять свое частное преимущество перед другими, которое может теми признаваться или нет, но ни одна группа не может претендовать на власть над любой другой.

В такой обстановке проявили себя последствия сексуальной революции (затем контрреволюции), феминизма и ряда других тенденций в западноевропейской культуре. Они реализовались в виде повышенного интереса части общества к сексуальным практикам отдельных меньшинств. Интересы социального, а не сексуального характера. На примере публичного поведения этих меньшинств и реакции на него других групп отрабатываются механизмы толерантности.

Толерантность здесь – это сложный вид избирательного социального контроля. Общество (или множество групп, чувствующих себя таковым) разрешает некоему меньшинству нарушение норм, которые в остальных группах соблюдаются и от которых отказываться не собираются. Соглашается при условии, что нарушение этих норм в отдельной группе не наносит вреда остальным и что этой группой признаются базовые ценности, соблюдаются базовые нормы, конституирующие данное общество как целое.

Понимаемая таким образом толерантность означает, что меньшинства, чьи практики и нормы отличаются от практик и норм большинства, получают признанные другими права на свое отличие и демонстрируют это. Это прямо противоречит принципам демократии большинства, а волнующие сердца россиян «гей-парады» – как публичные общезначимые события – являются не торжеством половых извращений, а празднованием свободы как ценности всего общества, а не привилегии отдельных его групп.

Российское общество находится на другой стадии развития. В конце 1980-х – начале 1990-х оно пережило слом социальных конструкций, созданных за время «строительства социализма». На руинах прежней социальной структуры начала складываться новая социальная организация. Бурное развитие частной инициативы (в том числе предпринимательства) вкупе с бурным же формированием разного рода социальных объединений и организаций открывали перспективу плюрализма, формирования некоего подобия демократии меньшинств.

Однако в экономике и политике стали брать верх централизация и монополизация, в основном с одобрением встре-

ченные публикой, не успевшей вкушать радостей плюрализма и тяготеющей к демократии большинства, а в пределе – к тоталитаризму как власти «всех» над «всеми». Такая форма реакции и на развал советского социального порядка, и на временное торжество постсоветских плюралистических и анархистских начал стала в том числе причиной того, что в возникшей социальной организации особенно заметна тоталитарная сверхценность единства, объединения «всех» вокруг одного символического центра.

Соседство и мирное сосуществование этой системы с той, которая выше обозначалась как «европейская», было возможно, но при условии, что российская культура «понимала» бы и могла бы почувствовать родство с тем социальным и культурным порядком, который европейская цивилизация прожила и из которого по сути уже ушла. Новый же социальный и культурный порядок Европы чужд всему строю современной российской культуры и ее социальной. Как возможная перспектива он особенно чужд группам, которые при нынешнем строе возглавляют его движение к тоталитаризму. Для них в плюралистическом обществе места и ресурса нет.